

Но ради жены он был готов смиренно молиться в храме — видно, очень любил её. Однако, раз плоть была захвачена свирепым призраком, душе суждено было рассеяться. Жена надеялась на встречу в следующей жизни, но и этого ей не видать.

Пожалев Чэнь Чжэня, Ся Гу вздохнул.

За окном яркий лунный свет пробивался сквозь резные деревянные рамы, набрасывая на их тела чёрную сетку теней. Монах повернул голову и посмотрел на Ся Гу, лежавшего и уставившегося в потолок. Взгляд его был полон отеческой нежности. Вспомнил, как тот пришёл к нему в десять лет, и вот уже пятнадцать лет рядом.хлопотный был ребёнок, но и радости принёс немало. И так — хорошо.

Близилось восемь. Ся Гу ждал прихода Янь-вана. Монах рядом что-то бормотал, Ся Гу отзывался односложно. Старику под восемьдесят, но крепок ещё, и говорун — трещит без умолку.

Вскоре пламя свечи на столе заколебалось, температура резко упала. Ся Гу тронул уголок губ — Янь-ван пришёл.

Монах рядом, казалось, ничего не замечал и продолжал тараторить. В лунном свете черты лица Янь-вана казались ещё более рельефными и прекрасными. Он стоял у кровати, склонившись над Ся Гу. Узкие глаза его были наполовину скрыты тенью от оконной решётки, и Ся Гу не мог разглядеть его взгляд. На сердце стало тепло. Ся Гу протянул к Янь-вану руку.

Неподвижно стоявший Янь-ван, увидев протянутую руку, слегка изменился в лице. Уголки губ дрогнули. Он протянул руку и взял руку Ся Гу.

Схватив ту холодную ладонь, Ся Гу почувствовал полное удовлетворение. В тот миг, когда он улыбнулся Янь-вану, тот мягко вытянул его душу из тела. Ся Гу встал, держа Янь-вана за руку, оглянулся и увидел своё тело, всё ещё лежащее с протянутыми руками — словно просящее обнять. Монах же рядом застыл без движения. Ся Гу тихонько рассмеялся.

Видя его радость, Янь-ван тоже смягчился. Бросив взгляд на окаменевшего монаха, он потянул Ся Гу к выходу.

Уже на пороге Ся Гу всё восхищённо рассказывал, как могуч Чжун Куй, конечно, не упоминая о своём уговоре с Цуй Юем. Однако Янь-ван вдруг замер, обернулся и посмотрел туда, где сидел монах.

На прежнем месте неподвижный монах вдруг поднялся, сел на кровать, сложил ноги в позе лотоса, соединил ладони и слегка склонил голову в сторону Янь-вана.

Янь-ван ответил таким же лёгким кивком и, прежде чем Ся Гу успел что-либо понять, увлёк его за собой, проходя сквозь дверь.

Две души растворились в мгновение ока. На лице монаха застыла улыбка, а в глазах светилась безмятежная доброта.

В Дифу Янь-ван немедленно погрузился в работу. За пару дней накопилась гора бумаг. В главном зале было холодно, и Янь-ван велел Сяо Хуа и Ся Гу сначала сходить поплавать в бассейне. Ся Гу, сияя, подхватил на руки ворчащую Сяо Хуа и отправился туда.

Оставшись без Янь-вана, Ся Гу оторвался на всю катушку. Раз за разом он голышом прыгал в

воду с бортика, забрызгивая Сяо Хуа, которая лишь отряхивалась и смотрела на него взглядом, полным стоического «ладно, лишь бы тебе весело было».

Наигравшись, Ся Гу по-собачьи доплыл до борта, ухватил Сяо Хуа, та завизжала и вцепилась в него когтями. Ся Гу расхохотался и, не давая ей опомниться, основательно выкупал, превратив в мокрую тряпочку.

Промокшая насквозь и совершенно утратившая былой лоск Сяо Хуа дрожала на краю бассейна, покорно принимая атаки геля для душа от Ся Гу, чувствуя, что мир исполнен жестокости.

Весь в пене, Ся Гу не спешил смывать её с кошки. Сяо Хуа начала чесаться, потопталась лапками по мордочке, потом лизнула их... и чуть не расплакалась от отвратительного вкуса мыла.

Жалобно мяукая, она улёгся на бортик, уставившись на Ся Гу укоряющим взглядом поверх шапки пены. Тот, не желая мучить её, стащил обратно в воду и принялся осторожно смывать.

Вымытая Сяо Хуа, с мокрой, слипшейся шерстью, чихнула от холода. Ся Гу, голый, выбрался на бортик, нашёл полотенце, вытер её и закутал.

Сяо Хуа уселась на бортике с невозмутимым видом храмового божка — непоколебимо и величаво. Непоколебимо и величаво она наблюдала, как Ся Гу ещё немного побарахтается в воде, потом склонила голову и задремала.

Вода ласкала тело. Ся Гу порезвился, попрыгал. Устав, отыскал укромный уголок, прислонился к стенке и принялся пускать пузыри.

Как говорится, сытость — мать похоти.

Эта мысль заставила его сдать. Он упёрся локтями в бортик, запрокинул голову, брови сжались. Никто не может отказаться от наслаждения, особенно мужчина, чья нижняя половина не знает удержу.

Движения Янь-вана вряд ли можно было назвать техничными, но скорость рук компенсировала всё. Он смотрел на Ся Гу: запрокинутая голова, капли воды, скатывающиеся по груди, движение кадыка — невыразимо прекрасное зрелище.

В последний момент из горла Ся Гу вырвался сдавленный стон, тело прижалось к Янь-вану ещё теснее, затрепетало и извергло семя.

Уткнувшись лицом в обнажённую и красивую ключицу Янь-вана, так что кость давила ему в подбородок, Ся Гу тяжело дышал. Когда тело постепенно пришло в себя от разрядки, он, чувствуя прикосновение плоти Янь-вана, невольно горько усмехнулся.

Меж ног у Янь-вана по-прежнему было мягко и безразлично. Да, он понимал семь чувств и шесть желаний. Но то желание, что скрывалось в нём, явно предназначалось не Ся Гу.

Дойдя до этой точки, Ся Гу словно смирился. Даже когда Янь-ван обнимал его и намыливал, это уже не казалось таким уж неловким. Янь-ван относился к нему как к хорошему другу, а телесный контакт был подобен играм детства, когда купались в речушке: один хлопнет по заду, другой потрогает за бедро — ничего особенного.

Смирение смирением, но в груди у Ся Гу всё равно было тяжело, ныло насквозь.

Помуслившись с Янь-ваном, Ся Гу выбрался на бортик, взял полотенце, в которое была завернута Сяо Хуа, и вытерся. Сяо Хуа он взял на руки, прижал к груди; та, сонная, потёрлась мордочкой о его кожу. Холодная мокрая шерсть прилипла к груди. Ся Гу усмехнулся.

Настоящий мужчина не разводит лишних чувств. Понравился человек — значит, понравился. Если тот отвечает взаимностью — счастье обоим. Если нет — не надо цепляться, пусть живёт спокойно. Мужчина должен уметь и брать, и отпускать. Боль — не помеха.

С этой мыслью он швырнул свежее полотенце только что вышедшему из воды Янь-вану, усмехнулся и сказал:

— Спасибо!

Янь-вану очень понравился вид Ся Гу в его объятиях: большие прозрачные глаза, полные желания,двигающийся кадык, капли воды, стекающие по кубикам пресса... Мужская сила и невыразимая чувственность заставляли его не отрывать взгляда. Тело оставалось холодным и безответным, но внутри всё будто взрывалось.

Картина наслаждающегося Ся Гу не выходила у него из головы. Тот не отвергал его, и Янь-ван был уверен в своих чувствах к Ся Гу. Но теперь это равнодушие Ся Гу заставило его взгляд помрачнеть. Белое полотенце прошлось по ложбинкам между мышцами живота, впитав воду. Янь-ван взял его и направился к лифту.

Ся Гу и Янь-ван оказались в лифте вместе. Угнетённое настроение Янь-вана нависло ледяной пеленой над всем пространством. Воспитанный Ся Гу не понимал, что вдруг нашло на Янь-вана, но его собственная решимость отпустить ситуацию, похоже, лишь усилила недовольство того.

Решив дать Янь-вану побыть одному, Ся Гу отнёс Сяо Хуа в её уголок, улёгся на мягкий коврик рядом и принялся подбрасывать её вверх.

Сяо Хуа, как высокомерная кошка, считала, что внешность — ничто, кокетство — ничто, главное — всегда сохранять холодное и надменное выражение, надувая щёки и тараща глаза. Но, будучи подбрасываемой Ся Гу вверх-вниз, она быстро прищурилась от удовольствия, забила лапками по воздуху и радостно замыкала: «Мяу!» — >▽<

Ся Гу вспотел, подбрасывая её, и уложил себе на грудь. Сяо Хуа выразила лёгкое недовольство, потопталась по нему мягкими подушечками лап, потерлась — щекотно. Ся Гу рассмеялся.

А пока он веселился, Янь-ван, с тёмным лицом, вытащил конструктор и, словно в отместку, с грохотом высыпал все кубики на кровать, принявшись методично их складывать.

Ся Гу украдкой поглядывал в ту сторону. Янь-ван сидел, опустив голову, длинные ресницы отбрасывали полутень, в глубоких глазах не читалось никаких эмоций. Резкие черты лица при свете лампы казались ещё прекраснее. Ся Гу не мог оторвать взгляда.

Заметив его взгляд, Янь-ван поднял глаза и мельком глянул на него. Ся Гу улыбнулся ему. Янь-ван не ответил, вновь опустил голову. И в тот миг, когда он опускал её, Ся Гу заметил, как его щёки раздулись.

Что, теперь вместо того, чтобы дуться, он надувает щёки?

<http://bllate.org/book/16256/1462637>